

УДК 130

DOI: 10.34670/AR.2021.64.94.028

Практическая философия и новая этика Питера Сингера

Кротовская Наталия Георгиевна

Научный сотрудник Сектора
истории антропологических учений,
Институт философии Российской академии наук,
109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: krotovskaya.nata@yandex.ru

Кулагина-Ярцева Валентина Сергеевна

Научный сотрудник Сектора
истории антропологических учений,
Институт философии Российской академии наук,
109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: valentina.yartseva@gmail.com

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) <http://publishing-vak.ru>

Аннотация

В данной статье делается попытка представить философские взгляды нашего современника, Питера Сингера (р. 1946), профессора Принстонского и Мельбурнского университетов, автора множества научных и популярных книг. Сингера называют одним из двенадцати ведущих философов современности и без изучения его работ невозможно представить общую картину практической философии XXI века. На примере концепций Сингера, мы видим, как переосмысливается одна из главных философских парадигм – антропоцентризм, – и на смену ей приходит новая система, в которой человек не является «мерой всех вещей», а занимает равноценное и равноправное положение с представителями всех видов жизни на Земле. Новое теоретическое основание ведет к переосмыслению прежних доктрин и созданию новых направлений в науке. В этом русле и работает Питер Сингер, интересы которого устремлены на разработку принципов новой этики и создание соответствующего терминологического аппарата. В настоящей статье упоминаются его работы, посвященные самым разным темам: от отношения к животным до проблем эвтаназии. Его взгляды находят в обществе неоднозначные отклики: восторженно приветствуются одними и гневно осуждаются другими. Но, оставляя в стороне страстные и пристрастные обсуждения его теории, нельзя не согласиться с тем, что Питер Сингер оказывает существенную помощь человеческому сообществу в построении новой социальной системы.

Для цитирования в научных исследованиях

Кротовская Н.Г., Кулагина-Ярцева В.С. Практическая философия и новая этика Питера Сингера // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 5А. С. 252-270. DOI: 10.34670/AR.2021.64.94.028

Ключевые слова

Практическая философия, новая этика, утилитаризм, права животных, спесицизм, эффективный альтруизм, религия, благотворительность, экотаж, биоэтика.

Введение

На протяжении тысячелетий философы занимались поисками истины, в каждую эпоху выдвигая новые концепции. Современные исследователи сосредоточились на изучении практической деятельности человека, редуцировав метафизическую часть поисков и заключив свои изыскания в соответствующие философские рамки. Какова же цель современной практической философии? Ответ – управлять собой и другими: сфера ее интересов охватывает не только людей, но и мир в целом. Идея не нова, и впервые была высказана Платоном, поместившим во главу идеального государства философов, обладающих знаниями о природе, социальной системе, человеке, и способных управлять обществом. Платон назначает философов управленцами, способных оказывать влияние на слушателей: «Пока в государствах не будут царствовать философы, <...> до тех пор государствам <...> не избавиться от зол» [Платон, 2007].

«Цель практической философии – побуждать с помощью мысли к правильным, хорошим действиям и отвращать от ошибочных, плохих действий», – так определил российский ученый Л. Е. Балашев [Балашев Л. Е., 2001] главную задачу нового философского течения. Современные философы своей первостепенной обязанностью считают передачу обществу знаний о топологии реальности, становящихся для человечества своего рода «дорожной картой», инструментом, способным предоставить широкому кругу людей возможность изменить контекст вокруг себя. По сути дела, такая деятельность, прежде всего, должна реализовываться в построении новой этической системы. Это и происходит в современном обществе, где в последние десятилетия все больше распространяется концепция, получившая название «новой этики».

Выход философов «в мир» привел и к новой философской практике: многие из ученых вышли из своих кабинетов и активно занимаются публицистикой, ведут колонки в популярных периодических изданиях, выступают в СМИ, читают открытые лекции в университетах всего мира. В результате подобной деятельности устанавливается контакт с самой разнообразной аудиторией, в философские дискуссии вовлекается значительная часть общества, поскольку новая доктрина предписывает людям заниматься этическими вопросами, особенно тем из них, кто имеет лидерские качества и решил избрать для себя общественную деятельность. Следовательно, философскую систему необходимо алгоритмизировать, то есть создать некую понятную педагогическую схему, которая окажет помощь в обучении людей, научит их мыслить, генерировать новые идеи, объединит вокруг решения актуальных задач.

Философская система Питера Сингера

Среди современных философов этого направления следует особо выделить Питера Альберта Дэвида Сингера, австралийского философа, профессора Принстонского и Мельбурнского университетов. «Вполне вероятно, что Питер Сингер является самым влиятельным из ныне живущих философов. <...> Мы высоко ценим его за рациональную ревизию многих убеждений и верований», – пишет о нем Лори Грюн, профессор кафедры

философии и феминизма, гендерных исследований и сексуальности в университете Уэсли. «Хотя производимое Сингером возмущение, продолжает она, – никогда не доходило до тех крайностей, которые довели Сократа до тюрьмы и казни, он часто становился объектом весьма ожесточенных нападок» [Грюн Л., 2014].

В 2005 году журнал *Time* включил Питера Сингера в сотню самых влиятельных философов мира, а в 2013 году Институт Готлиба Дутвейлера назвал его третьим «самым влиятельным мыслителем современности». Кроме того, энциклопедия «Британника» назвала его одним из самых признанных интеллектуалов в мире, а статья по этике для современного издания «Британники» принадлежит его перу.

Формированию убеждений Сингера способствовала *утилитаристская этическая теория*, согласно которой критерием нравственной оценки является исключительно консеквент поведения, а не его соответствие каким-либо правилам или обязательствам. Правильное действие в любой области, будь то право, политика или любая человеческая деятельность, будет считаться таковым, если оно приведет к наилучшим последствиям. При этом необходимо одинаковым образом относиться к одинаковым интересам, независимо от того, кто именно их представляет.

Уже первая изданная Сингером книга «Демократия и неповиновение» (1973), написанная на основе его диссертации, бросает вызов традиционным представлениям общества о морали, прежде всего, критикой религиозных догм и антропоцентричного мирового порядка.

Выход следующей книги Сингера «Освобождение животных» (1975) также продемонстрировал, что прежняя основная парадигма философии – гуманизм – переосмысливается, и на смену ей приходят новая система, в которой человек не является «мерой всех вещей», а занимает равноценное и равноправное положение с представителями всех видов жизни на Земле. Эта публикация положила начало современному Движению в защиту прав животных. Главное ее утверждение о том, что животные заслуживают этического отношения, привлекло тысячи последователей. Революционность этой доктрины заключалась в том, что прежнее сентиментальное покровительство животным, просуществовавшее до середины XX века, осуждало лишь человеческую жестокость, однако для новой общественной деятельности Сингер предложил иную, правовую сторону взаимоотношений человека и других живых существ.

Изменения отношения к животным, произошедшие в последние десятилетия и нашедшие горячего сторонника в лице Питера Сингера, связаны с вышеупомянутым философским поворотом и пересмотром устоявшихся понятий, общепринятых в человеческом обществе. «Расцвет правозащитных движений, ратующих за включение в политическое, этическое, социальное и другие поля новых агентностей <...> предлагает рассматривать животное как универсальный пример инаковости, способной не просто сосуществовать рядом с человеком, но и являться неотъемлемой частью его самовосприятия», – пишет М. Козырева [Козырева М., 2021] в статье «Смена философских перспектив: «поворот к животным» в новой антропологии».

В предисловии к «Освобождению животных» Сингер объясняет, что он защищает животных не потому, что любит их, а потому, что они тоже имеют права, и он обязан эти права уважать; все наши действия по отношению к животным должны быть этически обязательными вне зависимости от наших чувств или симпатий. Как и основатель утилитаризма Иеремия Бентан (1748 – 1832), Сингер утверждает, что этическое отношение к животным не подразумевает обсуждение проблемы, являются ли они мыслящими и говорящими существами, но ставит главный вопрос: могут ли они страдать? Именно способность испытывать страдание помещает людей и животных в одно и то же правовое поле. Для игнорирующих этот факт Сингер ввел в

оборот термин *спесицизм*, означающий превосходство одного вида живых существ над другими, точнее, превосходство людей над не-людьми. «Обычно пренебрежение интересами животных оправдывается тем, что они не имеют никаких интересов. Согласно этому представлению, животные не имеют никаких интересов, потому что не способны к страданию. Это проистекает из убеждения, что они не способны к такому страданию, какое бывает у людей: например, теленок не способен страдать оттого, что знает, что через полгода его убьют. Подобное убеждение, без сомнения, истинно, однако оно не очищает людей от заразы спесицизма, так как не признает того, что животные могут страдать иначе – например, от электрошока или от пребывания в маленьком тесном стойле» [Сингер П., 2009].

Важно, что Сингер привлекает внимание общества не к проблемам домашних животных, а к чудовищным условиям содержания, жизни и смерти сельскохозяйственных животных, составляющих значительную часть промышленного животноводства. Третья глава его книги так и называется: «Что происходило с вашим обедом, пока он еще был животным». Философ считает, что одним из аспектов Движения за права животных должен быть призыв к человечеству изменить свой пищевой выбор и перейти на вегетарианство (сам Сингер стал вегетарианцем еще в 1971 году). Совершив этот шаг, стоит ввести полный запрет на убийство живых существ, единственная цель существования которых – стать нашей едой. Стоит отметить, что Сингер весьма красноречиво и подробно описал страдания этих животных, и его свидетельские показания побуждают читателя задуматься о вегетарианстве.

Однако помимо животноводства есть и другие области человеческой деятельности, где страдают животные, живущие в неволе. Это медицинские и косметологические исследования, использующие животных при разработках новых средств – от лабораторных мышей до обезьян. Вот что писал Сингер в своей работе «Практическая этика», первое издание которой вышло в 1979 году, после чего она на многие десятилетия стала классическим введением в прикладную этику: «Экспериментаторы демонстрируют приверженность к своему биологическому виду каждый раз, когда проводят опыты на животных, аргументируя это целями, которые нельзя одобрить при проведении этих опытов на людях, обладающих аналогичным или более низким уровнем самосознания, эмоциональности и т. д. Если бы удалось избавиться от подобных пристрастий, то число опытов, выполняемых на животных, сильно бы сократилось» [Singer P., 2011].

Сингер считает, что в каждом случае надо выяснять целесообразность проведения подобных опытов и руководствоваться при этом принципом этического утилитаризма. Деятельность Сингера приносит свои плоды: в последнее время в медицине и здравоохранении усиливается тенденция к разработке альтернативных методов исследования, что будет способствовать увеличению доли позитивных последствий и уменьшению доли страданий.

Практика свидетельствует о том, что в процессе защиты прав животных участники Движения освобождения животных нередко совершают действия, вступающие в противоречие с законом, прибегают к так называемому экотажу (экологическому терроризму). Сингер полагает, что нарушение закона является морально оправданным в тех случаях, когда демократические процессы не функционируют успешно, а общество не знает, что происходит на фермах и в лабораториях. Тогда нелегальные акции, заявляет философ, могут быть единственным правильным путем оказания помощи животным, информируя людей о реальных фактах.

Деятельность Сингера была особо отмечена: в 2000 году его имя заняло почетное место в Зале славы прав животных в США, созданном Национальной конференцией по правам животных, которая ежегодно проводится правозащитным движением FARM.

Сфера интересов и философские размышления Сингера не ограничиваются темой нового этического отношения к животным, но касаются разных сторон жизни. Так, он является одним из основоположников движения *эффективного альтруизма*. Главное его утверждение гласит, что многие люди могут помогать нуждающимся, не неся при этом существенных материальных потерь. Философ предлагает установить минимальный этический стандарт пожертвования, а именно: обязанностью всех благополучных людей в развитых странах, заработок которых покрывает удовлетворение всех базовых потребностей, должно стать регулярное пожертвование как минимум 10% от доходов в адрес благотворительных организаций. Этический человек, по правилам новой этики – тот, кто помогает другим, стремится спасти чью-то жизнь, именно этот постулат Сингер старается донести до всего человечества. Сам ученый от 20% своих заработков перечисляет в OXFAM и ЮНИСЕФ. Он также задается вопросом, как стимулировать участвующих в благотворительности к принятию решений, основанных на принципах утилитаристской теории? Ответом может служить деятельность основанной им организации *The Life You Can Save*, которая проводит экспертную оценку благотворительных организаций и распространяет идеи о том, как и почему нужно помогать людям, живущим в условиях крайней нищеты.

Этим же вопросам посвящена книга Сингера, вышедшая в 2009 году, «Жизнь, которую вы можете спасти». В ней автор обсуждает концепцию *эффективного альтруизма*, способного изменить представления об этической жизни и дать донатам мотивацию следовать новым принципам благотворительности [Сингер П., 2018].

Он рассматривает психологические, социальные барьеры, а также эволюционную историю человечества, которые в комплексе или по отдельности мешают заниматься благотворительностью «правильно»; отвечает на актуальные вопросы: почему мы должны приходить на помощь и почему государство не может само заниматься проблемами бедных? Не получится ли так, что в случае постоянной помощи бедняки перестанут стараться улучшить свое положение самостоятельно?

Сингер называет причины, мешающие *эффективному альтруизму*: это *парохиализм* (человек сосредотачивается на решении небольших частей проблемы) и *идентифицируемая жертва* (люди предлагают помощь, когда в трудном положении находится конкретный, идентифицируемый человек). Так, эффект *идентифицируемой жертвы* провоцирует людей предлагать большую помощь, если трудности испытывает идентифицируемое лицо (жертва), меньшая же активность наблюдается по отношению к неизвестным людям, несмотря на наличие аналогичных потребностей. Сингер разъясняет механизм этического мышления, который основывается на способности поставить себя на место других людей. В ситуации выбора между «помочь» и «пройти мимо» этическое мышление велит нам выбрать первый вариант. Когда же речь заходит о помощи неизвестным «людям из бедных стран», у большинства этот механизм не срабатывает: в этом случае «жертва» кажется неопределённой, а небольшое пожертвование, по общему мнению, не изменит глобальную проблему.

Сингера мало интересует филантропия в сфере культуры или искусства: когда музей Метрополитен в Нью-Йорке покупает картины за миллионы долларов, он тем самым лишает нас возможности вылечить тысячи людей из развивающихся стран. Эгоистические ценности, присущие западному обществу, культ роскоши и богатства мешают осознать долг благополучных стран перед государствами с неблагополучной экономикой. Сингер предлагает собственную прогрессивную формулу, по которой, исходя из размера своего дохода, организация может определить величину справедливого пожертвования: чем выше доход, тем больше должна быть сумма.

В 2016 году вышел в свет сборник статей «О вещах действительно важных» [Сингер П., 2019], где были собраны эссе, опубликованные ученым в разных периодических изданиях на протяжении многих лет. Темы эссе чрезвычайно разнообразны – от оценки религиозных доктрин до обсуждения вопроса, можно ли считать шимпанзе людьми. Книга по форме напоминает катехизис, каждое эссе построено по принципу: ставится вопрос, обозначается проблема – и далее следует рассуждение и итоговое резюме. В свое время христианская церковь активно пользовалась подобной структурой, справедливо полагая, что изложение базовых принципов в простой наглядной форме облегчит усвоение прочитанного, четко определит предметы обсуждения и даст «правильные» ответы на все вопросы, тем самым закрывая попытки вольного рассуждения на религиозные темы. В наши дни Сингер творчески использовал эту форму, переосмыслил и, как обычно, наполнил новым содержанием.

Ответы Сингера на злободневные вопросы современности нельзя назвать иначе, как провокационными. Например, задаваясь вопросом о божественной сущности, Сингер пишет: «Идея ничтожности нашего разума по сравнению с божественным основана как раз на том тезисе, о котором мы спорим: о всесии, всеблагости и бесконечной мудрости Бога. То, что мы видим собственными глазами, свидетельствует, скорее, в пользу предположения, что никакой Бог не создавал этот мир. Если же мир все-таки сотворен создателем, то этот создатель явно не всемогущ и не всеблаг. Либо он бесчеловечно жесток, либо ни на что хорошее не способен» [Сингер П., 2019].

На вопрос о том, этично ли продлевать жизнь в старости, когда пациент подключен к системам жизнеобеспечения, Сингер отвечает, что «видимо, в решении продлевать жизнь дальше того предела, за которым она уже ничего не дает пациенту, играет роль ошибочная в данном случае вера, что любая человеческая жизнь священна.<...> В ситуации, когда родные настаивают на продолжении бесполезного, на взгляд профессионалов, лечения, нельзя требовать, чтобы дорогостоящий долгосрочный уход за пациентом оплачивался за счет казны, <...> налогоплательщики не обязаны в таком объеме расплачиваться за религиозные убеждения своих соотечественников» [Сингер П., 2019].

В предисловии к изданию Сингер пишет, что люди совершают этический выбор гораздо чаще, чем это осознают. В результате стремительного изменения окружающего мира – глобализации, цифровой революции, бурного развития науки – человек часто оказывается не в состоянии сделать моральный выбор. «Наша интуиция, развивавшаяся эволюционным путем, – рассуждает Сингер, – не гарантирует нам правильных или логичных решений моральных дилемм. Что было хорошо для наших предков, сегодня может оказаться уже не так хорошо. Но чтобы ориентироваться в меняющемся моральном ландшафте, где на первый план выходят такие вопросы, как права животных, аборты, эвтаназия и помощь развивающимся странам, нужна не религия, а тщательное изучение человеческой природы и того, что мы зовем хорошо прожитой жизнью. Поэтому нам необходимо иметь представление об универсальном наборе интуитивно воспринимаемых моральных принципов, которые мы вправе обдумывать и, приняв решение, поступать вопреки им. Это не будет кошунством, поскольку источник нашей нравственности – не Бог, а наша собственная природа» [Сингер П., 2019].

Один из центральных вопросов книги: возможна ли мораль без религии? Сингер полагает, что человека нельзя рассматривать как «грудку мяса и костей», поскольку каждый чувствует счастье или боль, имеет желания или потребности. У всех людей есть субъективный опыт, благодаря которому моральные вопросы возникают в ходе естественных процессов. По всей видимости, для обретения опыта, считает Сингер, не требуется никаких нематериальных сущностей вроде духа или души, один лишь опыт является базой моральных ценностей. Если

существо неспособно переживать чувственный опыт, то для него не существует и морали. Такой субъект – он называет его моральным пациентом – не может поступить хорошо или плохо, ценностей для него не существует.

Сингер объясняет существование общеизвестного представления о том, что без религии не может быть морали, тремя причинами:

1) только Бог или какая-либо еще сверхъестественная сущность может быть источником морали как явления или идеи;

2) даже если мораль может существовать без Бога, то без его руководства мы не сможем понять, что хорошо, а что плохо;

3) без сверхъестественной угрозы наказания и поощрения люди не способны вести себя морально.

Сингер возражает против распространенного мнения, что без веры в Бога мораль станет неполноценной, на самом деле мораль может не прибегать к помощи религии. Если утверждать, что мораль содержится в заповедях Бога, то людям часто придется иметь дело с неразрешимыми проблемами: нередки случаи, когда Бог произвольно решает, что хорошо, а что плохо, и если бы Бог призывал заниматься терроризмом, то это было бы хорошо, раз так сказал Бог. К сожалению, некоторые религиозные люди именно так и поступают, сетует Сингер. Однако имеются в каком-то смысле объективные моральные критерии, свойственные всему человечеству, согласно которым помогать попавшим в беду лучше, чем убивать их и калечить, взрывая бомбы в общественных местах. Нет оснований полагать, что для представления о том, что хорошо, а что плохо, людям необходим Бог, поскольку идея морали, несомненно, стоит выше Бога.

Считается, что без Бога человечество само не в состоянии понять, какие поступки хорошие, а какие дурные. Но Сингер предлагает выяснить, какой морали на самом деле придерживаются верующие: «Сами они обычно говорят, что Бог в святом писании явил им откровение о том, что хорошо, а что плохо. На практике же религиозные люди очень избирательно следуют указаниям Бога. Ветхий Завет содержит множество предписаний, некоторые из них нелепы, другие ужасны, вроде указания забивать камнями тех, кто работает в субботу» [Сингер П., 2019]. Далее Сингер приводит еще один пример из Книги Чисел (глава 31), в которой Бог приказывает Моисею послать войско убить всех мадианитян мужского пола, а женщин и детей взять в плен, и замечает, что на сегодняшний день такое считается геноцидом. Но христиане, скорее всего, ничего об этом не слышали, поскольку в церквях им об этом не рассказывают, замечает Сингер.

Перспектива наказания или вознаграждения в загробной жизни, рассуждает Сингер, вроде бы побуждает к совершению хороших поступков, и у человека должна появиться чисто эгоистическая мотивация творить добро, что можно было бы назвать своего рода «просвещенным эгоизмом». Но Сингер предлагает сравнить поведение верующих и неверующих, и, анализируя статистику, приходит к выводу, что вышеупомянутая мотивация не работает. Например, сравнивая более и менее религиозные страны, равные по экономическим показателям, он выясняет, что светская Европа морально во многом превосходит более религиозные США. В Европе значительно меньше убийств и сидящих в тюрьмах людей, в Европе более достойная система социального обеспечения, а также система всеобщего медицинского страхования, в то время, как США испытывают серьезные трудности с его введением. Там выше уровень детской и подростковой смертности, ниже продолжительность жизни, по числу абортотв Соединенные Штаты занимают первое место среди всех демократических стран, где аборты разрешены, несмотря на то, что выступающих против абортов там значительно больше, там также самый высокий уровень венерических заболеваний

и подростковой беременности.

К насилию прибегают и представители других религий: так, уже несколько веков идет конфликт между шиитами и суннитами, звучат угрозы со стороны исламистов, некоторые из них становятся террористами-смертниками.

Сингер делает вывод, что на практике вера в адские наказания оказывается не слишком эффективным средством контроля поведения.

Философ также развенчивает представление о том, что верующие чаще занимаются благотворительностью, чем неверующие. Он опять-таки обращается к статистическим данным. Статистика США якобы свидетельствует в пользу этих слов. Однако следует обратить внимание, на какого рода благотворительность жертвуют верующие. Оказывается, они жертвуют на нужды церкви, и именно этим объясняется высокий уровень филантропии. Тем не менее, самыми известными донатами являются неверующие: Билл Гейтс, Уорен Баффет и Эндрю Карнеги, на четвертом месте стоит протестант Джон Рокфеллер. Они отдают свои средства на борьбу с бедностью, разработку лекарств от малярии (очаги ее распространения находятся в беднейших районах мира) и т. д.

Если сравнить благополучные страны по количественным показателям, то выяснится, что в странах Европы жертвуют на благотворительность куда больше, чем в США. Очевидно, люди могут находить мотивацию совершать хорошие поступки и без религии. Самая сильная мотивация для филантропов – делать все возможное для того, чтобы страдания и боли в мире стало гораздо меньше.

В рецензиях на книгу «О вещах действительно важных» многие критики назвали ее «нравственным компасом» современного человека. Однако в таком определении кроется своего рода подводный камень. Так, Лори Грюн в вышеупомянутой статье пишет, что «если вести нравственную жизнь, следуя требованиям Сингера, то нам придется пожертвовать многими из тех вещей, которые наполняют нашу жизнь смыслом» [Грюн Л., 2014]. Тем не менее, она признает, что Сингер не является пуританином и требует от современников посильного участия и выполнения только того, что они могут сделать.

Сингер также активно занимается проблемами биоэтики, являясь профессором Принстонского университета в этой быстро развивающейся дисциплине. Интерес к биоэтике в западном мире возник по ряду причин, в том числе из-за обеспокоенности общества соблюдением прав человека в современной медицине, возможности которой невероятно расширились в связи с появлением новых медицинских технологий (генная инженерия, трансплантация органов, оплодотворение ЭКО, пролонгация жизни пациента и т. д.). *Биоэтика*, или этика жизни, стала разделом новой этики. Ее главная цель определить, какие медицинские действия по отношению к живому организму с моральной точки зрения допустимы, а какие нет. Эта новая наука является системным ответом на так называемые «проблемные ситуации» этико-правового характера, объективно возникающие под влиянием научно-технического прогресса в экологии, биологии и медицине, в частности, в современной клинической практике. В современном обществе биоэтика является формирующимся особым социальным институтом, призванным регулировать конфликты и сглаживать острые углы, возникающие во взаимоотношениях между сферой разработки и внедрения новых биомедицинских технологий, с одной стороны, и индивидом и обществом – с другой.

Сингер первым стал применять к биоэтике концепцию утилитаризма, поскольку считал, что только на этой основе можно построить справедливую систему ценностей. По его мнению, утилитаристская биоэтика должна разрабатывать основополагающие принципы для принятия

решений в практической медицине и производить наивысшее благо в области здоровья и медицинских или биологических исследований. Такая биоэтика основана на утверждении, что распределение медицинских ресурсов должно руководствоваться исключительно равными правами всех людей, оценкой соотношения их состояния в настоящем и ресурсов, необходимых для лечения.

В 2001 году Сингер вместе с коллегами выпустил «Антологию биоэтики», а в 2018 вышло второе издание этого сборника, переработанное и дополненное, в котором обсуждаются разработки последних лет и текущие проблемы в данной области. Будучи выпускающим редактором, Сингер поместил в «Антологию» сорок девять статей, тематически организованных вокруг широчайшего круга вопросов, включающего обсуждение морального статуса эмбрионов и плодов, новой генетики, жизни и смерти, распределения ресурсов, донорства органов, СПИДа, экспериментов на людях и животных, здравоохранения и обучения, а также спорных в настоящее время тем вроде клонирования и генетического улучшения. Среди приглашенных авторов находятся как всемирно известные специалисты по биоэтике, Дж. Чилдресс и Р. М. Хэйр, так и молодые исследователи, например, Э. Грегори, написавший статью «Религия и биоэтика».

Во вступительной статье к «Антологии», написанной Сингером в соавторстве с Хельгой Кузе, отмечается, что в известном смысле биоэтика может пониматься как продолжение и современная форма традиционной медицинской (или врачебной) этики, восходящей к Гиппократу. «Основное ее отличие от последней, однако, состоит в том, что традиционная медицинская этика носит корпоративный характер (так, в знаменитой клятве Гиппократа на первом месте стоят обязательства врача по отношению к своему учителю и своей профессии, и лишь затем говорится об обязательствах по отношению к пациентам) и исходит из того, что во взаимодействии врача и пациента морально ответственным агентом, по сути дела, является только врач. Для биоэтики же, напротив, характерна установка на то, что в принятии морально значимых и жизненно важных решений участвуют и врач, и пациент, а значит, бремя ответственности распределяется между обоими партнерами, - пишет Сингер и далее замечает: - Нам, конечно же, не следует забывать, о пациентах, группе, к которой мы все рано или поздно присоединимся» [Kuhse H., Singer P., 2018].

Традиционно медицинская этика была сфокусирована прежде всего на нравственных достоинствах, которыми обладал хороший врач. Она также пристально следила за взаимодействиями между коллегами по профессии, что иногда представлялось примером знаменитого высказывания Джорджа Бернарда Шоу: «Все профессии – это заговор специалистов против профанов». Однако биоэтика – совершенно новая сфера деятельности, основанная на размышлениях о взаимоотношениях человека и медицинских корпораций в условиях новых, почти безграничных возможностей медицинской науки, не сводящихся только к выяснению этических аспектов отношений врача с пациентом и врача с врачом. Она всегда выходит за рамки традиционной медицинской этики, причем делается это несколькими способами. Во-первых, ее назначение состоит не только в разработке или соблюдении кодекса или набора предписаний, она нацелена в итоге на разностороннее понимание проблем. Во-вторых, она задает глубокие философские вопросы о природе этики, ценности жизни, о том, что значит быть человеком. В-третьих, она охватывает вопросы государственной политики и управления наукой. Во всех этих смыслах биоэтика – это новая особая область новой этики.

Бурное развитие биомедицинских технологий привело к тому, что естественный жизненный процесс человека от рождения (и даже от зачатия) до самой смерти стал все более опосредуемым

и контролируемым, то есть организуемым и управляемым социально и технологически. При этом по отношению к пациенту медицинское вмешательство приобретает все более инвазивный, нередко агрессивный характер, а его стоимость, как и совокупные затраты индивида и общества на поддержание и улучшение здоровья, неуклонно возрастает год от года. «В этих условиях задачей биоэтики является защита жизни, здоровья, телесной и личностной целостности, прав и достоинства пациента (испытуемого). Иными словами, вся сфера медицинской практики и биомедицинских исследований рассматривается в биоэтике как одна из областей, в которой реализуются (или нарушаются) в буквальном смысле слова жизненно важные права человека – вплоть до вызывающего особенно острые дискуссии права самостоятельно принимать решение об уходе из жизни, когда болезнь неизлечима и сопряжена с тяжелыми физическими и душевными страданиями» [Kuhse H., Singer P., 2018].

Не случайно биоэтика стала междисциплинарной наукой и может служить одним из показательных примеров взаимовлияния права и этики, правового и научного дискурса, правовой системы и философии, поскольку многие вопросы не могут быть решены без участия в дискуссии самых различных социальных групп.

Сингер отмечает, что начиная с 1960-х годов этические проблемы здравоохранения и биомедицинских технологий захватили общественное сознание в беспрецедентных масштабах. «Аппараты для диализа, аппараты искусственной вентиляции легких и трансплантация органов способствовали сохранению жизни пациентов, которые в противном случае умерли бы, - пишет Сингер. – Оплодотворение в пробирке и связанные с этим методы репродукции позволили установить ряд новых взаимоотношений между родителями и детьми, в том числе рождение детей, не являющихся генетически связанными с женщинами, их вынашивающих. Разработка современных противозачаточных средств, перинатальное тестирование и безопасные аборт увеличили выбор женщин и супружеских пар при решении таких вопросов, как количество и внешний облик детей, которых они собираются иметь. Новаторские разработки в области генетики и возможность генетического улучшения добавили еще один аспект к выбору. Однако технологический прорыв – не единственный фактор роста интереса к этическим проблемам в этой сфере, есть и другая причина. Она касается растущего беспокойства по поводу усиления власти врачей и ученых и проявляется в вопросах о «правах пациентов» и общества в целом. Люди стремятся участвовать в принятии затрагивающих их решений. Это означает бóльшую информированность общественности о ценностном характере медицинских заключений и критическое рассмотрение принципов, на основе которых эти решения принимаются» [Kuhse H., Singer P., 2018].

Эта проблема, по мнению Сингера, стала очевидной три или четыре десятилетия назад. Один из примеров, приведенных им, касается важнейшего вопроса: кто должен решать, стоит ли продолжать поддерживать систему жизнеобеспечения пациентов, о которых известно, что они никогда не придут в сознание? Это не техническое заключение, которое могут принять только врачи, но этическое решение, на которое пациенты и общество в целом могут иметь взгляды не менее обоснованные, чем мнение врачей.

Сингер считает, что право на жизнь связано со способностью существа придерживаться предпочтений, которые в конечном итоге связаны со способностью существа чувствовать боль и удовольствие. Еще в «Практической этике» Сингер выступал за право женщин на аборт на том основании, что зародыши не осознают себя, поэтому намерение матери сделать аборт должно иметь приоритет. А в 2010 году в интервью для журнала *Esquire* Сингер заявил, что «Родители, желающие завести ребенка, думают о нем как о человеке, которым он станет,

и хотят, чтобы этот человек был хорошо обеспечен. Но новорожденный — не этот человек. Он всего лишь биологическая основа для будущего, но еще не существующего человека. Я не думаю, что эмбрионы или дети идентичны в каком-то существенном смысле людям, которыми они могли бы стать. Я не думаю, например, что жизнь моя началась с рождения. Скорее, я появился на свет позже, когда новорожденный, из которого я вышел, приобрел некоторые способности. Более того, если представить, что эмбрион идентичен будущему человеку и может иметь ценное будущее, то это приводит к странным последствиям. Например, возьмем эмбрион из пробирки, состоящий из восьми клеток. На этой стадии клетки тотипотентны — то есть при отделении они способны превратиться в отдельного человека. Мы обладаем технологией для разделения этих клеток, а также для их последующего внедрения в женщин-добровольцев. Если каждая из этих клеток идентична человеку, которым она может стать, то получается, что мы должны разделять их и искать добровольцев для последующего внедрения, а иначе мы лишаем каждую из них ценного будущего» [Вурхойв А., 2010].

Сингер многие годы призывает американских юристов и социальные институты к проведению национальных дебатов для установления общепонятных критериев, разрешающих аборт, иными словами, общество должно определить, какими качествами должен обладать плод, чтобы убивать его было неправильным, и в каком возрасте у эмбриона появляются эти человеческие качества [Cotto J. F., 2017].

О подобных этических проблемах и о путях решения, предложенных Сингером, российский ученый, доктор философских наук, заведующий сектором гуманитарных экспертиз и биоэтики ИФ РАН П. Д. Тищенко высказывается так: «Это один из типов экологической этики, согласно которому главная ценность – отсутствие страдания. У этого направления есть как хорошие стороны, так и очень печальные. Получается, что, если живое существо страдает, оно недостойно жизни. Вытекающая из этого идея Сингера заключается в том, что новорожденных с неизлечимыми заболеваниями не следует вытаскивать, чтобы они мучились на протяжении всей жизни. Это называется инфантицид (детоубийство). Он готов на это. Он вполне нормально относится к абортам. Но, с другой стороны, он отстаивает права животных. Выступает против использования их в экспериментах» [Тищенко П. Д., 2018].

Обращаясь к этой проблеме сегодня, Сингер по-прежнему заявляет на своем сайте, что убийство неполноценного младенца морально не эквивалентно убийству человека, и иногда в этом нет ничего плохого. Хотя сам термин «дефектный младенец» философ считает оскорбительным, тем не менее, он ничуть не изменил результативную часть своего убеждения. На своем сайте он заявляет: «Что я имею в виду под термином «человек» <...> Я использую термин «человек» для обозначения существа, которое способно предвидеть будущее и иметь желания. Я думаю, что в целом убийство такого существа является бóльшей ошибкой, чем убийство существа, у которого со временем не появится чувство осмысленного существования. Таким образом, убийство новорожденного никогда не равносильно убийству человека, то есть существа, которое хочет продолжать жить. Большинство младенцев любимы своими родителями, и убийство младенца обычно причиняет большие страдания его родителям.

Иногда, возможно, из-за того, что ребенок родился с поражением жизненно важных органов, родители считают, что лучше, чтобы их новорожденный ребенок умер. Многие врачи соглашались с их решением, вплоть до отказа от лечения ребенка, поддерживающего его жизнь. Это часто приводит к смерти ребенка. Моя точка зрения заключается в том, что я считаю подобное решение возможным, однако при этом надо исключить медленную смерть от инфекции или обезвоживания, но принять активные меры для быстрого и гуманного

прекращения жизни».

Религиозные критики утверждают, что этика Сингера игнорирует и уничтожает традиционное понятие святости жизни. Соглашаясь с этим, Сингер полагает, что понятие святости жизни нужно отбросить как устаревшее, ненаучное и не имеющее отношение к пониманию проблем современной биоэтики.

По поводу истории термина «биоэтика» Сингер пишет в «Антологии биоэтики» следующее: «Слово изначально имело другое значение. Ван Ренсселер Поттер в 1970 году впервые применил этот термин – «наука о выживании» – к экологическим проблемам, то есть к междисциплинарным исследованиям, направленным на обеспечение сохранения биосферы. По словам Поттера, разрыв между этическими ценностями человеческой культуры и стремительно развивающимся научно-техническим прогрессом стал угрожать человечеству и самому существованию жизни на Земле, поэтому он назвал биоэтику «наукой выживания» [Kuhse H., Singer P., 2018]. Однако эта терминология, отмечает Сингер, так и не прижилась, вместо этого понятие стало применяться к этическим вопросам, к которым рос интерес как в здравоохранении, так и в биомедицинских науках.

В статье об этике в «Британике» Сингер писал, что этика не является предметом фактического знания в том смысле, как другие науки и отрасли исследования. Скорее, она связана с определением природы нормативных теорий и применением этих принципов к практическим моральным проблемам [Singer P., 2021]. Поэтому, прежде чем приступить к обсуждению современной системы ценностей, Сингер в статье из «Антологии» обращается к истории медицинской этики, приводит различные воззрения на решение этических вопросов, примеры дискуссий о моральных вопросах в медицине, ведущихся с древних времен. При этом он считает необходимым рассматривать в ретроспективе взаимосвязь биоэтики с религией, законом и культурой прошлого. «Медицинская этика имеет долгую и разнообразную историю. Считается, что она берет свое начало во временах Гиппократ в Древней Греции, однако фактически возникает намного раньше. Даже племенные сообщества без письменности уже имеют более или менее четко устоявшиеся ценности, которыми руководствуются при оказании медицинской помощи шаманы, экзорцисты, ведьмы, колдуны и священники, а также акушерки, костоправы и травники. Одно из самых ранних письменных положений, касающихся медицинской практики, взято из Кодекса Хаммурапи, написанном в Вавилоне около 1750 г. до н. э. Он предусматривает, например, следующее: если доктор использует бронзовый ланцет, чтобы провести серьезную операцию на части тела знатного человека, и это приведет к его смерти или потере глаза, то врачу отрубят руку» [Kuhse H., Singer P., 2018].

Далее Сингер уделяет внимание античному периоду медицинской этики и ее переходу к эпохе христианства: «Одна <...> медицинская школа находилась на острове Кос в Эгейском море, возглавлял ее знаменитый Гиппократ. Эта школа выпустила множество трактатов по медицине, науке и этике, однако возникновение знаменитой клятвы не поддается датировке, время ее появления варьируется от VI в. до н. э. до начала эпохи христианства. Роль клятвы в истории западной медицинской этики оценивается двояко. Утверждая: «я направлю режим больных к их выгоде сообразно с моими силами и моим разумением, воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости», – будущий врач должен был следовать принципам благотворительности и помощи немощным, ему предписывалось приносить пациентам пользу и предотвращать вред. Примечательно, что запрет в присяге на применение снадобья для прерывания беременности или яда для завершения жизни соответствовал более поздним взглядам на святость человеческой жизни, занявшим центральное место в

медицинской этике христианского мира. Другие аспекты присяги, например, предписание чтить учителя, как родителя, «разделять его судьбу и, если возникнет необходимость, снабжать его предметами первой необходимости», потеряли актуальность и почти не упоминаются в современных дискуссиях о медицинской этике.

«Хотя одни ученые считают, что возрастающее значение клятвы Гиппократова связано с подъемом христианства, – отмечает Сингер, – другие это оспаривают, указывая на существенные отличия и даже противоречия в этических принципах гиппократиков и врачей-христиан. Очевидное различие заключается в расхождении религиозных основ двух направлений. В эпоху христианства предпринимались попытки приспособить клятву к новым условиям, сделав ее приемлемой для христиан, однако последняя никогда не использовалась в полном объеме, да и врачи не могли клясться греческим богам и богиням; скорее, тот, кто принимал присягу, обращался к «Богу Отцу Господа нашего Иисуса Христа. Возможно, – продолжает философ, – христианская мораль обладала значительным превосходством, проповедуя любовь к ближнему и сострадание к слабым. Религиозные институты, например, монастыри, начали создавать особые заведения для больных и обездоленных, а христианское учение подчеркивало, что врачам следует развивать в себе добродетели милосердия и благотворительности. Трактат, датируемый, вероятно, началом XII века, призывает врачей не исцелять «ради наживы и не уделять больше внимания богатым, чем бедным, или тем, кто благороднее неблагородных. В XIII веке Фома Аквинский назвал грехом требование врачом чрезмерной платы от больных или отказ предоставить бесплатное лечение пациенту, находящемуся под угрозой смерти» [Там же].

Сингер не может не уделить внимание такой теме, как отношение к абортам в предыдущих столетиях. «Историческое воззрение церкви на этот вопрос было несколько двойственным. В то время как в раннехристианской литературе эта практика единодушно осуждалась, ее греховность часто определялась сроком беременности. Следуя Аристотелю, разные мыслители, в том числе Фома Аквинский, полагали, что убийством считается только аборт одушевленного плода. Предполагалось, что одушевление зародышей мужского пола происходит через сорок дней, а для плодов женского пола через девяносто. В целом, эта точка зрения оставалась доминирующей до 1869 года, когда папа Пий IX объявил практически все аборты убийством, независимо от внутриутробной стадии развития плода» [Kuhse H., Singer P., 2018 Там же].

Сингер подчеркивает, что во все времена практикующие врачи, в свою очередь, также размышляли о добродетельной стороне своей деятельности, в частности, о правилах своих отношений с пациентами. На практике эти рассуждения обычно переплетались с преобладающими религиозными установками, однако в XVII и XVIII веках ситуация несколько изменилась. Сингер приводит в пример Джона Грегори, выдающегося шотландского врача-философа XVIII века, который в духе философии Просвещения сформулировал свое понимание «сочувствующего» врача, исходя из значения, разработанного великим шотландским философом Дэвидом Юмом. По его словам, врач должен развивать «чувствительность сердца, которая заставляет нас сочувствовать страданиям наших ближних и вследствие этого побуждает нас самым сильным образом их облегчать».

«Размышления Грегори о врачебной задаче и отношениях между врачом и пациентом по-прежнему весьма актуальны, – пишет Сингер. – Вероятно, он был не первым врачом, стремившимся разработать универсальные моральные основы медицинской этики, свободной от узкой религии и корыстных интересов, но его взгляд на основополагающую роль помощи и

сочувствия в отношениях между врачом и пациентом может рассматриваться как одна из первых разработок этического обращения с больными. В последнее время медицинский уход стал важнейшей частью морального кодекса и занимает существенную часть феминистских и сестринских взглядов на этику» [Kuhse H., Singer P., 2018].

Тем не менее, первой современной работой по биоэтике Сингер считает книгу Джозефа Флетчера «Мораль и медицина», опубликованную в 1954 году. Флетчер был теологом и принадлежал к Американской епископальной церкви, однако его подход к этическим вопросам с позиций противоречивой «ситуационной этики» имел больше общего с консеквенциалистской этикой, чем с традиционными христианскими взглядами. Сингер придает огромное значение тому, что Флетчер в соответствии со своими убеждениями позже отказался от религии, поскольку, по его мнению, философ всегда должен на практике делать то, что сам проповедует. Хотя Флетчер много сделал для организации первых дискуссий по этическим вопросам в медицине, биоэтика как научная дисциплина появилась только в 1960-х годах и тогда же сформировалась как область изучения. Это десятилетие Сингер считает переломным моментом в истории западного общества, связанным с важными культурными и социальными изменениями. «Движение за гражданские права сконцентрировалось на вопросах справедливости и неравенства; карибский кризис и война во Вьетнаме привели к возобновлению вопросов о войне и ядерном оружии; возрождение феминизма, сопряженное с распространением безопасных аборт и современных контрацептивов, вызвало вопросы о репродуктивных правах женщин. На протяжении большей части конца 1960-начала 1970-х годов университетские власти осаждали студенты, первоначально выступавшие против войны во Вьетнаме, но позже заявившие также требования о том, чтобы их курсы отражали актуальные и серьезные социальные проблемы того времени. Эти изменения оказали влияние и на философскую практику, вызвав новый интерес к нормативной и прикладной этике. На протяжении 1960-х годов преобладающая в то время ортодоксия среди англоязычных философов морали привела к тому, что философия занималась анализом моральных терминов, а не практическими вопросами. Это положение начало меняться в 1970-х годах. Философы все чаще стали обращаться к таким практическим этическим вопросам, как аборты и эвтаназия, этика войны и смертной казни, распределение ограниченных медицинских ресурсов, права животных и так далее. Они часто осмеливались задавать вопросы о том, о чем раньше никто не спрашивал. Поскольку некоторые из этих вопросов касались практики в области здравоохранения и биологических наук, это философское движение помогло утвердить биоэтику в качестве важнейшей дисциплины» [Kuhse H., Singer P., 2018].

Тогда же неоднократно упоминавшийся прогресс новых медицинских технологий начал набирать обороты, вызывая у общества вопросы этического характера, на которые раньше никто не требовал ответов. «Первые аппараты, выполнявшие диализ больным, страдающим почечной недостаточностью, значительно увеличили случаи спасения жизни пациентов, которые в противном случае скончались бы через несколько дней, – пишет Сингер. – Но аппараты были очень дорогими, их было гораздо меньше, чем пациентов, страдающих почечной недостаточностью. В 1962 году центр искусственной почки в Сиэтле, штат Вашингтон, создал комитет по отбору пациентов для лечения. Поскольку он принимал решения о жизни и смерти, его называли «божественным комитетом», а его деятельность привлекла к себе пристальное внимание общественности, в частности, к тем критериям, которыми комитет пользовался при отборе больных. Расследование показало, что члены комитета предвзято, с большей симпатией, относились к людям одинакового с ними социального и этнического происхождения, и это в

конечном итоге привело к дальнейшим дискуссиям о наилучшем способе решения подобных проблем» [Kuhse H., Singer P., 2018].

В качестве еще одного примера Сингер ссылается на первые операции на сердце, которые поначалу не всегда заканчивались удачно. Однако смерть этих пациентов неожиданно обернулась новыми возможностями: они стали донорами органов для трансплантации. Сразу же возник целый комплекс проблем, к решению которых подключились разные специалисты, в том числе юристы и политические деятели. Первостепенной задачей стала разработка новых критериев для фиксации момента смерти, без которых осуществлять забор органов было бы невозможно. Общественное обсуждение привело к созданию Гарвардской комиссии по смерти мозга, которая постановила, что отсутствие «заметной активности центральной нервной системы» должно быть «новым критерием смерти». Впоследствии эта рекомендация с некоторыми изменениями была принята почти повсеместно.

Наличие дорогостоящих аппаратов ИВЛ, продлевающих жизнь, выдвинуло на первый план еще два вопроса: этический – о лимитах использования технологий, и финансовый – об объемах финансирования в попытках спасти жизнь человека. «Считается, что дееспособных пациентов нельзя лечить помимо их воли, но ситуация с недееспособными пациентами выглядела гораздо более запутанной, – пишет Сингер. – Она касалась не только пациентов, ставших недееспособными из-за болезни или несчастного случая, но и на инвалидов или недоношенных детей. Вопрос был поставлен просто: если пациент не может сказать «нет», означает ли это, что его или ее жизнь всегда должна продлеваться как можно дольше, даже если у пациента очень плохие перспективы?» [Kuhse H., Singer P., 2018].

Тема эвтаназии неоднократно обсуждалась Сингером, философ даже создал свою классификацию, подразделяя ее на добровольную, непроизвольную и недобровольную (добровольная предполагает согласие пациента). Сингер выступает за добровольную эвтаназию и некоторые виды непроизвольной, но категорически отвергает принудительную. Однако уже сама постановка вопроса вызвала в обществе негативную реакцию, а некоторые социальные группы и общества инвалидов (например, американская NDY) уничижительно отзываются о Сингере и неоднократно проводили акции протеста в его адрес.

Позицию Сингера в разное время осудили американский издатель Стив Форбс, прекративший свои пожертвования Принстонскому университету после приглашения Сингера на должность профессора биоэтики, общественный деятель, «охотник за нацистами» Симон Визенталь, Марк Маурер, президент Национальной федерации слепых и многие другие известные политики и ученые. Однако сам Сингер считает, что протесты привлекают беспрецедентное внимание СМИ к его идеям, благодаря чему миллионы людей во всем мире узнают о его этической системе.

Еще одним важным вопросом, который, по мнению Сингера, должна решать биоэтика, стала медицинская помощь бедным странам. Ученый возмущается тем, что 90% финансовых ресурсов в медицинских исследованиях тратятся на болезни, составляющие лишь 10% в перечне Международной классификации болезней – болезней, от которых страдают люди в богатых странах. «Это происходит отчасти потому, – негодует философ, – что у фармацевтических компаний нет стимула разрабатывать препараты для лечения людей, которые не смогут себе позволить их купить, а также потому, что исследовательские фонды богатых стран в основном направлены на поиск методов лечения болезней, которые поражают их сограждан. Таким образом, существует сравнительно мало исследований по лечению тех заболеваний, которыми страдают люди в бедных странах. Сам по себе этот факт, конечно же, ставит этический вопрос – действительно ли люди богатых стран через свои правительства или частную

благотворительность готовы дать обязательство по устранению этого дисбаланса?» [Kuhse H., Singer P., 2018]

В качестве образца для подражания Сингер называет фонд Билла и Мелинды Гейтс, на сайте которого сообщается, что одна из их ключевых ценностей гласит: «Все люди – независимо от места проживания – равноценны». Гейтсы финансируют исследования, направленные против таких болезней, как малярия, от которых ежегодно умирают миллионы людей, и фактически являются союзниками всех развивающихся стран

. Хотя общество в целом движется в правильном направлении, поскольку внимание стало чаще уделяться проблемам за пределами богатых стран, Сингер беспокоится, что оно движется медленно, и на свете по-прежнему существует очень мало людей, занимающихся биоэтикой в развивающихся странах.

Совсем недавно человечество столкнулось с глобальной проблемой – пандемией, и в этих обстоятельствах возникли новые, неожиданные этические вопросы. Например, нехватка аппаратов ИВЛ заставила рядовых сотрудников больниц оперативно и самостоятельно решать, кого из пациентов подключать к аппаратуре. Другой этический вопрос относится к локдаунам, при которых спасаются одни жизни и потенциально разрушаются другие из-за последующей депрессии и проблем, сопутствующих безработице и массовому закрытию бизнесов. Сингер не остался в стороне и активно включился в обсуждение острых вопросов. Мы выйдем из этой передрыги с новым мышлением, – высказал он свое мнение в интервью информационному portalу «Такие дела», созданного благотворительным фондом «Нужна помощь»: «В конечном счете, это вопрос наших ценностей. А значительная трудность заключается в том, чтобы найти единую меру, с помощью которой можно было бы сравнивать разные вещи. С одной стороны, у нас есть мера смертности, с другой — мера счастья или страдания, мера качества жизни, и сравнить их непросто. Уже сама идея количества смертей как меры слишком упрощена: я не думаю, что мы должны придавать одно и то же значение любой смерти вне зависимости от того, на каком этапе жизни и в каком состоянии человек уходил.

Например, в Соединенных Штатах последние несколько недель говорят о том, что количество смертей уже превысило число тех, кто погиб на войне во Вьетнаме. Подразумевается, что это более трагично, чем война во Вьетнаме... Но даже если акцентировать внимание только на погибших тогда американцах, надо брать в расчет, что им было преимущественно от восемнадцати до тридцати лет, они прожили бы еще в среднем около сорока лет. А медианный возраст людей, умирающих от коронавируса, близок к восьмидесяти. Я видел показатели из разных стран, они в промежутке от семидесяти девяти до восьмидесяти, то есть, по крайней мере половина умерших этого возраста или старше. Многие имели патологические заболевания. Да, некоторые из этих заболеваний не сократили бы продолжительность жизни, но некоторые, несомненно, сократили. Поэтому если пытаться подсчитать, сколько лет потерял медианный умирающий от коронавируса, то получилось бы что-то порядка трех лет. И когда мы определимся с этой мерой, возможно, мы захотим попробовать сравнить этот показатель с уменьшением качества жизни для многих миллионов людей, которые становятся безработными в результате ограничительных мер.

Я думаю, что нужно принимать в расчет цифры. Есть тридцать миллионов американцев, которые потеряли работу. И есть порядка девяноста тысяч, допустим ста тысяч, умерших, итого безработных в триста раз больше. Таким образом, нельзя просто говорить, что быть безработным лучше, чем быть мертвым, необходимо принимать во внимание тот факт, что только в Америке на каждого умершего приходится триста безработных. И мне начинает казаться, что триста безработных — это хуже» [Темиров А., 2020].

Не так давно Сингер дал еще одно интервью, опубликованное в американском еженедельнике *The New Yorker*. В нем он также рассуждает на актуальные этические темы, связанные с covid-19: справедливо ли распределение вакцин от ковида, кто должен нести ответственность за нехватку препаратов в бедных странах? Сингер охарактеризовал общую ситуацию так: «Я думаю, что это позор. Особенно при учете относительно невысокой потребности некоторых богатых стран в вакцинации». Сингер высказал озабоченность по ряду конкретных вопросов: как нам следует распределять вакцины; оправдано ли введение локдаунов; если нам не хватает на всех аппаратов ИВЛ и коек в отделениях интенсивной терапии, должны ли мы отдавать предпочтение тем, кто моложе и, следовательно, будет дольше жить, или же мы должны помочь людям старшего возраста, у которых есть такие же потребности, но продолжительность их жизни короче? Философ считает, что пандемия заострила многие вопросы и вынудила нас сегодня отвечать на них. «Не то, чтобы до пандемии люди, которым оказывалась медицинская помощь, не умирали от болезней, но пандемия сильно повлияла на общество, привела к возникновению новых биоэтических проблем. Правда, она не убила столько людей, сколько умирает каждый год по причинам, связанным не с коронавирусом, а с нищетой» [Gross D. A., 2021].

Заключение

Итак, мы видим, что практически не существует какой-либо темы новой этики, которой Питер Сингер в разное время не уделил бы должного внимания. Однако его деятельность обрела как сторонников, так и ярых противников. Последних раздражает его утилитаристский подход к решению этических вопросов. В газете *The Guardian* в ноябре 1999 г. была опубликована статья Кевина Тулиса «Самый опасный человек в мире», в которой журналист называл Сингера нацистом, реинкарнацией Мартина Бормана, детоубийцей и врагом цивилизации: «Философия Сингера, кажется, дает простой расчет для определения правильного и неправильного. Но вблизи его бесчеловечность, уравнивание нашего собственного морального статуса с моральным статусом других существ и отрицание особых близких отношений, которые у нас есть с другими конкретными людьми, не могут сопровождать нас в путешествии по человеческой жизни. Питер Сингер, новоиспеченный пророк, авторитетный веган, философ-мудрец и приверженец утилитаризма, заперт в той же моральной неразберихе, что и все мы» [Toolis K., 1999].

Тем не менее, далеко не все философы придерживаются аналогичной точки зрения. Приведем слова Лори Грин из ее уже упоминавшейся ранее статьи о Питере Сингере: «Если мы хорошенько и беспристрастно подумаем над тем, что мы делаем для того, чтобы улучшить этот мир, то поймем, что большинство из нас могло бы делать намного больше для того, чтобы покончить со страданиями людей и не только. Не надо полностью соглашаться с утилитаристской философией, чтобы видеть, что в мире существует много насущных проблем, выходящих за рамки того, что требует от нас этика. Философы издавна бросали вызов здравому смыслу, и часто такие вызовы служили улучшению нашей коллективной жизни. Вопросы, поставленные Питером Сингером, могут показаться нам чересчур заостренными, требующими принесения чего-то в жертву, да и вообще невыполнимыми. Но если мы примем брошенный им вызов, то сможем внести свой вклад в построение мира, в котором будет меньше боли и страданий и больше счастья. Мы и в самом деле сделаем наш мир лучшим местом для жизни, а ее саму сделаем более осмысленной» [Грюн Л., 2014].

Библиография

1. Балашов Л. Е. (2001) Практическая философия, Москва, С.9.
2. Вурхойв А. (2010) Атакующий защитник // *Esquire*, 23.08.2010. [Электронный ресурс].
3. Грюн Л. Сингер (2014) // 12 ведущих философов современности, Москва, С. 386 – 414.
4. Козырева М. (2021) Смена философских перспектив: «поворот к животным» в новой антропологии // *Философская антропология*. Т. 7, № 1, С. 64-79.
5. Платон. Государство (2007) // *Сочинения в 4 томах*, Т. 3. Ч. 1, Санкт-Петербург, 298 с.
6. Сингер П. (2018) Жизнь, которую вы можете спасти, Москва, 224 с.
7. Сингер П. (2019) О вещах действительно важных. Моральные вызовы XXI века, Москва, 400 с.
8. Сингер П. (2021) Освобождение животных, Москва, с. 448.
9. Темиров А. Мы выйдем из этой передраги с новым мышлением. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.takiedela.ru>
10. Тищенко П. Д. Почему биоэтика должна быть радикальной: ученые обсуждают идеи философа Питера Сингера. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.takiedela.ru>
11. Cotto J. F. (2017) When Does Human Life Begin – and What Does This Really Mean? Peter Singer Explains, *San Francisco Review of Books*, 27.09.2017, available at: <https://sanfranciscobookreview.com>
12. Gross D. A. (2021) Peter Singer is Committed to Controversial Ideas // *The New Yorker*, 28.04.2021, available at: <https://www.newyorker.com>
13. Kuhse H., Singer P. (2018) *A Companion to Bioethics*, Oxford, P. 3-11.
14. Singer P. (2021) *Ethics (Philosophy)*, *Britannica*, available at: <https://www.britannica.com>
15. Singer P. (2011) *Practical Ethics*, Cambridge, available at: <https://www.cambridge.org>
16. Singer P. available at: <https://petersinger.info/faq>
17. Toolis K. (1991) The Most Dangerous Man in the World // *The Guardian*, 6.11.1999, available at: <https://www.theguardian.com/>

Peter Singer's Practical Philosophy and New Ethics

Nataliya G. Krotovskaya

Researcher of the Department of the History of Anthropological Doctrines,
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
109240, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: krotovskaya.nata@yandex.ru

Valentina S. Kulagina-Yartseva

Researcher of the Department of the History of Anthropological Doctrines,
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
109240, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: valentina.yartseva@gmail.com

Abstract

The article presents the philosophical views of our contemporary, Peter Singer (b. 1946), professor at Princeton and Melbourne Universities, author of many scientific and popular books. Singer is called one of the twelve leading philosophers of our time. It is impossible to imagine the general picture of practical philosophy of the XXI century without his works. Analyzing his books, we see how one of the main philosophical paradigms, anthropocentrism, is being rethought and replaced by a new system, in which a man is not "the measure of all things", but occupies an equal position with representatives of all types of life. The new theoretical foundation leads to a rethinking

of previous doctrines and the creation of new research directions. Peter Singer's interests are focused on the developing of the principles of new ethics and creating an appropriate terminological apparatus. This article discusses his works on various topics: from the attitude to animals to the problems of euthanasia. His views find mixed responses: they are enthusiastically welcomed by some and angrily condemned by others. But, leaving aside the passionate and biased discussions of his theories, it is impossible not to agree that Peter Singer makes a significant contribution to the construction of a new social system.

For citation

Krotovskaya N.G., Kulagina-Yartseva V.S. (2021) Prakticheskaya filosofiya i novaya etika Pitera Singera [Peter Singer's Practical Philosophy and New Ethics]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (5A), pp. 252-270. DOI: 10.34670/AR.2021.64.94.028

Keywords

Practical philosophy, new ethics, utilitarianism, animal rights, speciesism, effective altruism, religion, charity, ecotage, bioethics.

References

1. Balashov L. E. (2001) Practical Philosophy, Moscow, p.9.
2. Voorhoyv A. (2010) Attacking Defender // Esquire, 08/23/2010. [electronic resource]. – Access mode: <https://esquire.ru>
3. Grun L. singer (2014) //12 leading philosophers of our time, Moscow, p. 386 – 414.
4. Kozyrev M. (2021) Changing philosophical perspectives: "the animal turn" in the new anthropology // Philosophical anthropology. Vol. 7, No. 1, Pp. 64-79.
5. Plato. The State (2007) // Essays in 4 volumes, Vol. 3. Part 1, St. Petersburg, 298 p.
6. Singer P. (2018) The life you can save, Moscow, 224 p.
7. Singer P. (2019) About things that are really important. Moral challenges of the XXI century, Moscow, 400 p.
8. Singer P. (2021) Animal Liberation, Moscow, p. 448.
9. Temirov A. We will get out of this mess with a new mindset. [electronic resource]. - Access mode: <https://www.takiedela.ru>
10. Tishchenko P. D. Why bioethics should be radical: scientists discuss the ideas of philosopher Peter Singer. [electronic resource]. - Access mode: <https://www.takiedela.ru>
11. Cotto J. F. (2017) When Does Human Life Begin – and What Does This Really Mean? Peter Singer Explains, San Francisco Review of Books, 27.09.2017, available at: <https://sanfranciscobookreview.com>
12. Gross D. A. (2021) Peter Singer is Committed to Controversial Ideas // The New Yorker, 28.04.2021, available at: <https://www.newyorker.com>
13. Kuhse H., Singer P. (2018) A Companion to Bioethics, Oxford, P. 3-11.
14. Singer P. (2021) Ethics (Philosophy), Britannica, available at: <https://www.britannica.com>
15. Singer P. (2011) Practical Ethics, Cambridge, available at: <https://www.cambridge.org>
16. Singer P. available at: <https://petersinger.info/faq>
17. Toolis K. (1991) The Most Dangerous Man in the World // *The Guardian*, 6.11.1999, available at: <https://www.theguardian.com/>